

Людмила ЗЫКИНА:

Без народных песен мы станем манкуртами

На профессиональной сцене Людмила Георгиевна Зыкина с восемнадцати лет — с тех пор как в 1947 году стала солисткой хора имени М. Пятницкого. Но было бы точнее сказать, что ее сценой, главной сценой, откуда она обращается к слушателям со своими песнями, является по большому счету вся Россия. Верность русской песне, которую она пронесла через всю свою жизнь, сделала певицу не просто знаменитой. Зыкина — это неразрывная часть нашей национальной духовной культуры, в ее песнях удивительно точно и глубоко отразилось все, чем красив, богат и велик народ, в беззаветном творческом служении которому она видит свое предназначение и сегодня.

Званный гость

— Людмила Георгиевна, давайте начнем нашу беседу вот с чего. Я знаю, что вы очень тепло относитесь к армии, часто встречаетесь с военными. Это — потребность вашей души?

— Я принадлежу к поколению, чье детство пришлось на годы Великой Отечественной войны, и не в кино, а воочию видела солдат и офицеров, опаленных огнем, перебинтованных, со страшными следами, которые оставили на них жернова боев. Раненые в госпиталях и были моими первыми слушателями.

Помню танкиста Сергея, обгоревшего, в пропитанных кровью бинтах. Я пела ему еле живому, когда смерть, казалось, стояла уже у изголовья. Он долго молчал, а потом с трудом разжал губы и тихо вымолвил: «Ты будешь артисткой... Это точно... Я тебя слушал и думал, что смогу выжить. Я буду жить! Я долго тогда стояла, не в силах шелохнуться. И плакала. В моем репертуаре всегда было много песен о войнах, об армии.

Много лет спустя с одной моей солдатской песней приключилась трогательная история. Кажется, в 1961 году на радио пришло грустное письмо от молодого солдата, проходившего службу на Крайнем Севере. В письме говорилось, что девушка, с которой он простился, уходя в армию, скоро забыла его. По просьбе паренька в одной из передач для воинов прозвучала моя песня о нелегкой солдатской службе, о девушках, умеющих верить и ждать. Авторы передачи попросили солдатских невест внимательно послушать эту песню. Скоро на радио мне показали новое письмо: тот же солдат с радостью писал, что песня «дошла до адресата», он и его девушка снова вместе.

Недавно с группой артистов — а в ее составе были М. Магомаев, Т. Синявская, И. Понаровская, Э. Быстрицкая, Ю. Соломин и другие известные мастера сцены — я побывала в Западной группе войск, в Германии. И уже в который раз убедилась: песня по-прежнему проникает в самую душу солдата, облизает его с Родины, помогает в службе.

— Вы выступаете вместе с ансамблем «Россия»...

— Да, вот уже 17 лет. Уже, как говорится, можно оглянуться на пройденный путь.

У ансамбля «Россия» свой почерк, свой стиль и исполнительская культура. Каждый из солистов — виртуоз, способен играть на многих народных инструментах.

С нами выступали и записывались инструменталисты: Е. Беляев, А. Огневцев, Л. Сметаников, Н. Васильев, В. Городовская, М. Рожков и многие другие.

При ансамбле создана студия для молодых одаренных музыкантов. На нее возлагаю большие надежды. Я остро ощущаю, как молодые дарования, которые со временем могли бы вырасти в настоящих мастеров — исполнителей народной песни.

— Людмила Георгиевна, с недавних пор вы еще и президент Академии культуры России. Что вынудило создать ее, какие задачи ставите перед собой?

— Проекты Академии культуры направлены на содействие широкому обмену, взаимообогащению культур народов России и бывшего Союза, пропаганду лучших образцов народного искусства.

За истекший год под эгидой академии прошла серия

концертов в городах Германии, в Москве, Надыме с участием мастеров эстрады. Мы организовали также вечера, посвященные творчеству М. Максаковой, 130-летию со дня рождения К. Станиславского, юбилею Северного русского народного хора, подготовили новую программу хора им. Пятницкого. Я выступала на торжествах в Большом театре, посвященных Ф. И. Шаляпину, в Волгограде в честь победы наших войск в Сталинградской битве.

Все дальнейшие планы также, надеюсь, будут способствовать налаживанию активной духовной и нравственной жизни народа, возрождению России. В частности, собираемся открыть филиалы академии: один — в Надыме, у северян, другой — в Берлине. Здесь в гарнизонном Доме офицеров, после вывода наших войск, разместится Международного центра искусств, принадлежащий России.

— Словом, не унываете?

— Достоевский как-то сказал, что идеалы красоты и здорового общества не могут погибнуть, этим и жив, и развивается народ. Мысль об этом и поддерживает мой оптимизм.

— Сегодня многие служители искусств часто сетуют на то, что испытывают чувство неустраиваемости своего творчества. Это на самом деле проблема?

— Проблема гораздо шире: как выжить сегодня не только мастерам искусств, а самой культуре. Посудите сами. К моменту распада Союза в нем насчитывалось 140 тысяч массовых библиотек, приблизительно столько же клубных учреждений, более 600 профессиональных театров, более 1.700 музеев, почти 50 тысяч народных университетов культуры. В какой еще стране мира вы найдете такое богатство?

И какова их участь теперь? Они захлебнулись в общем хаосе политических и экономических катаклизмов, влача зачастую жалкое существование. В чем же дело? Наверно отвечают: нет средств. То есть налицо (уже в который раз!) проявление остаточного принципа в отношении культуры. А мы говорим о необходимости воспитания, образования...

В то же время коммерческие структуры прибирают к рукам лучшие здания, в том числе творения великих зодчих, а у местной администрации не хватает фондов для социальной поддержки борющихся изо всех сил за выживание творческих коллективов, даже тех, которые составляют гордость нации. У нас, например, есть целое созвездие хоров — Воронежский, Северный, Рязанский, Омский, Оренбургский, имени Пятницкого... Великолепнейшие коллективы, снискавшие мировую славу далеко за пределами России и пользующиеся популярностью здесь, на Родне. Но многие ли знают, как страдают они сегодня от финансовых затруднений, борясь за свое существование!

Поэтому дело не в неустраиваемости искусства — публика-то, настроенная на волну прекрасного, есть, и программы концертов великолепны — а в отношении к нашему духовному богатству властей. Очень жаль, что самобытность российского искусства мало кого заботит.

Очень хочется верить, что все невзгоды, обрушившиеся на культуру, временны. Не манкурты же мы в конце концов! Вот этими надеждами на лучшее сейчас и живу.

Владимир ПАНАРИН.